

Словно тень, бредущая за светом во сне (часть 1)

Весь следующий день в школе Чао Цы места себе не находил: он отчаянно хотел поблагодарить Линь Чжэна.

Они учились в разных классах и на разных потоках, но их аудитории располагались на одном этаже. Это крыло школы делили между собой одиннадцатиклассники и двенадцатиклассники: восточную сторону занимали выпускники, западную — те, кто был на год младше.

Обычно Чао Цы на переменах почти не выходил из кабинета, разве что в уборную или набрать воды. Но сегодня он покидал класс после каждого урока. Юноша выходил в коридор и замирал у перил, притворяясь, будто погружён в свои мысли, а сам украдкой наблюдал за дверью аудитории двенадцатиклассников, где учился объект его интереса.

К сожалению, место Линь Чжэна находилось далеко и от двери, и от окон, поэтому Чао Цы мог видеть лишь его смутный силуэт.

Первые два урока тот и вовсе не выходил, видимо, решив отоспаться прямо за партой. Альфа был очень высоким — несмотря на юный возраст, в нём уже было около ста восьмидесяти семи сантиметров роста. Когда он ложился на сложенные руки, школьная парта казалась на его фоне совсем крошечной.

За всё утро Чао Цы так и не нашёл возможности заговорить с ним.

Лишь после третьего урока Линь Чжэн наконец вышел в коридор.

Он стоял в самом конце галереи, небрежно опершись рукой о перила, и вполборота разговаривал с каким-то юношей.

Его собеседник тоже был альфой. Этого парня звали Ду Шэньюй; он происходил из знатной семьи и славился как выдающимся успехами в учёбе, так и яркой внешностью. В школе его знали все — даже такой нелюдимый изгой, как Чао Цы, не раз слышал его имя.

Ду Шэньюй оказался на редкость словоохотливым: он что-то увлечённо рассказывал, в то время как Линь Чжэн лишь изредка кивал или вставлял короткие реплики.

С того места, где стоял Чао Цы, был виден лишь профиль выпускника: высокая переносица, глубокие надбровные дуги и чёткая, почти резкая линия подбородка. В его внешности определённо угадывались смешанные корни — это было не слишком заметно на первый взгляд, но проявлялось в рельефности черт и необычном, изумрудно-зелёном цвете глаз.

Картина точь-в-точь наложилась на воспоминания о прошлой ночи.

Чао Цы почувствовал, что сердце пустилось вскачь, а ладони стали влажными от волнения. Заметив, что разговор выпускников подходит к концу, он сглотнул, собираясь с духом, и медленно подошёл к ним.

— Простите... можно вас на минуту?

Линь Чжэн и Ду Шэньюй одновременно обернулись на робкий, едва слышный голос.

Перед ними стоял юноша-бета, который смотрел на них снизу вверх.

Паренёк выглядел болезненно худым и невысоким. Красавцем его назвать было трудно — скорее, в его лице угадывалась некая мягкая миловидность, которую напрочь перечёркивало затравленное, пугливое выражение. С первого взгляда становилось ясно: перед ними глубокий интроверт.

Раз он был здесь, значит — соученик, но ни Линь Чжэн, ни Ду Шэньюй не могли припомнить его лица.

Взгляд беты был прикован к Линь Чжэну; очевидно, он искал именно его.

Рост Чао Цы составлял сто семьдесят пять сантиметров — не так уж мало, но старшеклассник был выше его на добрых полголовы.

Видя, как альфа сверху вниз бесстрастно взирает на него, Чао Цы до боли сжал пальцы в рукавах пиджака. Стиснув зубы, он выдавил:

— Линь Чжэн-сюэчжан... за вчерашнее... спасибо большое...

— Что? — Линь Чжэн слегка нахмурился, словно не понимая, о чём идёт речь.

В этот момент оглушительно зазвенел звонок на урок, заглушая его голос. Услышав сигнал, Линь Чжэн просто развернулся и зашагал в класс.

Он явно не собирался тратить время на внезапно появившегося незнакомца.

Чао Цы смотрел вслед его высокой, удаляющейся фигуре. Он приоткрыл рот, но так и не решился окликнуть его.

А ведь юноша хотел сказать, что в следующем месяце обязательно вернёт деньги за лечение.

Сумма была невелика — меньше двухсот юаней. Но сейчас был конец месяца, и у Чао Цы действительно не было за душой ни гроша.

Когда до выпускных экзаменов Линь Чжэна оставалось меньше месяца, один из его приятелей внезапно заметил:

— Слышал, какому-то бете из одиннадцатого класса ты приглянулся.

Линь Чжэн листал томик по философии, не отрывая взгляда от страниц.

— И что?

Ему казалось, что другу просто нечем заняться. Количество людей, которым он «приглянулся», не поддавалось исчислению — неужели о каждом нужно докладывать лично?

— Да ничего особенного. Просто говорят, что этот маленький бета каждый день на переменах торчит в коридоре и глаз с тебя не сводит. Прямо жалко его, — хмыкнул приятель. — Смотри, он и сейчас там, сзади на тебя пялится.

Линь Чжэн на мгновение замер, а затем медленно обернулся к задней двери класса. Там действительно стоял щуплый бета, прислонившись к косяку. Он низко опустил голову, делая вид, что смотрит куда-то в сторону. Однако, когда альфа обернулся, плечи паренька заметно дрогнули.

Если бы кто-то сказал, что он не подглядывал за Линь Чжэном, в это вряд ли бы поверили.

Все эти месяцы Чао Цы тайно наблюдал за ним.

В школе невозможно что-то скрыть. Пусть у Чао Цы не было друзей и его почти никто не замечал, но подобные двусмысленные слухи всегда вызвали у подростков живейший интерес. Он стоял на одном и том же месте каждую перемену; когда Линь Чжэн играл в баскетбол или теннис, бета всегда прятался где-нибудь неподалёку. Раз или два — это могло быть случайностью, но когда это повторялось изо дня в день, не заметить было невозможно.

Слухи, подогреваемые праздным любопытством, в конце концов дошли и до самого Линь Чжэна.

Тот отвернулся, так ничего и не сказав.

Слишком много людей восхищались им. Такой, как Чао Цы, в этой толпе поклонников был совершенно незаметен. Линь Чжэн даже не вспомнил, что этот самый бета подходил к нему несколько месяцев назад.

Однако он не ожидал, что в тот же день, сразу после занятий, юноша снова его разыщет. Это случилось прямо у выхода из аудитории.

Казалось, этот бета собрал в кулак всё мужество, накопленное за жизнь. Дрожа от напряжения, он спросил:

— Простите... сюэчжан... я хотел узнать, в какой... в какой университет вы планируете поступать?

Многие пытались выяснить это — кто-то обиняками, кто-то напрямую. Но, кроме пары близких друзей, никто не знал ответа.

Линь Чжэн смотрел на паренька, чьи плечи едва заметно подрагивали, а глаза были полны отчаянной надежды, и сам не зная почему, ответил прямо:

— В университет А.

Сказав это, он и сам немного удивился. Впрочем, он тут же выбросил это из головы — в конце концов, это не было такой уж важной тайной.

— Спа... спасибо!

Линь Чжэн кивнул и ушёл.

Месяц спустя Линь Чжэн поступил в университет А, набрав высший балл в провинции.

На самом деле ему даже не нужно было сдавать государственные экзамены. Ещё в одиннадцатом классе он победил во множестве олимпиад, и лучшие вузы страны не раз предлагали ему зачисление без конкурса. Однако он предпочёл не пользоваться льготами. Даже в олимпиадах двенадцатого класса он почти не участвовал, ограничившись парой конкурсов в начале года, хотя учителя не раз пытались его переубедить.

Впрочем, в его копилке и так было достаточно золотых медалей. Ещё одна победа была бы лишь очередной строчкой в и без того блестящем списке достижений — для него это ничего не меняло.

После ухода Линь Чжэна Чао Цы перестал выходить в коридор на переменах, чтобы украдкой посмотреть в сторону соседнего класса.

Слухи о его безответной любви уже расползлись по школе, став для одноклассников лишним поводом для насмешек и травли. Впрочем, к этому юноше было не привыкать.

Он не считал себя умным или талантливым. Раньше, как бы усердно бета ни занимался, его оценки едва дотягивали до среднего уровня.

Но с какого-то момента он начал учиться как одержимый. Чао Цы спал по три-четыре часа в сутки, а на переменах его взгляд был прикован исключительно к экзаменационным тестам. Учителя, напуганные таким рвением, не раз советовали ему сбавить обороты — учёба была важна, но в элитных частных школах здоровье ценилось не меньше.

Чао Цы слушал, но продолжал в том же духе. Педагогам оставалось лишь разводиться руками, но в глубине души каждый из них ценил такое рвение. Постепенно они прониклись к нему симпатией и стали уделять ученику особое внимание, передавая все свои знания.

Прошёл год, и Чао Цы стал одним из троих выпускников их школы, сумевших поступить в университет А.

Чао Цы зачислили на исторический факультет. С первых же дней он начал наводить справки. Будучи по натуре замкнутым и не имея широкого круга знакомств, он не осмеливался задавать прямых вопросов. Для такого человека сбор информации был задачей почти непосильной. К счастью, Линь Чжэн и здесь оставался в центре внимания, так что вскоре юноша узнал всё, что хотел.

Линь Чжэн учился на физическом факультете, а его общежитие было вторым по счёту зданием позади корпуса Чао Цы.

Как только закончилась военная подготовка, Чао Цы начал ходить вольнослушателем на лекции физиков. Расписание историков было не слишком плотным, так что ему удавалось выкраивать время на пять-шесть дополнительных занятий в неделю.

Когда в университете объявили о возможности получения второй специальности, Чао Цы, не раздумывая, выбрал физику.

Это давалось ему с огромным трудом. Помогало лишь запредельное трудолюбие и навыки, выработанные за год изнурительной подготовки к поступлению. Просиживая ночи напролёт за учебниками, бета худо-бедно справлялся с программой.

Линь Чжэн заметил его довольно скоро.

Он всё-таки запомнил этого парня с того самого дня, когда тот пришёл спрашивать про университет. На четвёртый день посещения лекций Чао Цы в аудитории физиков возник дефицит мест. Когда альфа вошёл, свободными оставались лишь два места — и оба рядом с Чао Цы.

— Здесь занято? — спросил он, глядя на юношу, который по привычке низко склонил голову над тетрадью.

Его голос был, как и всегда, холодным и немного хрипловатым. Возможно, Линь Чжэн просто не хотел нарушать тишину аудитории и потому говорил вполголоса.

Разумеется, Чао Цы заметил его в ту же секунду, как тот переступил порог. Увидев, что Линь Чжэн направляется к нему, он в панике уткнулся в стол. Он и помыслить не мог, что тот заговорит с ним первым.

Чао Цы поднял голову. Он бросил на Линь Чжэна взгляд, в котором смешались жадное обожание и панический страх, и тут же устался в пол.

— Н-нет, свободно, — прошептал он.

И эта внешность, и эти робкие манеры показались Линь Чжэну знакомыми. Он на мгновение задумался и наконец извлёк из памяти обрывки информации об этом человеке.

Он сел рядом, оставив между ними одно пустое место.

Спустя мгновение Чао Цы услышал:

— Ты... и впрямь поступил в университет А?

Линь Чжэн хотел бы назвать его по имени, но, как ни старался, не смог его вспомнить. То ли он никогда его не знал, то ли оно просто стерлось из памяти за ненужностью.

«Линь Чжэн помнит его!»

В душе Чао Цы вспыхнул фейерверк безумной радости. От одного осознания этого сердце заколотилось в груди так сильно, что стало трудно дышать. Он быстро закивал:

— Да!

<http://bllate.org/book/15361/1417489>